

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Продолжение. Начало см. в №5

Бережно открываю вторую главу книги Рафаэля Гусейнова под названием «Первый Бунтарь», и тихий шелест бело-глянцевых страниц уносит меня в ту неведомую чужеземную даль, куда направил свой задумчивый взор седобородый задумчивый старец в чалме Исмаил ибн Ясар, перу которого принадлежит это двустихие, ставшее эпиграфом к главе:

*Тыма незнания исчезла, знание взамен пришло,
Разум возвратился вновь, разумение возшло.*

Подумать только, это было написано 1300 лет назад! Если кто-то сказал бы мне, что в те времена жили поэты, а шёл тогда седьмой век, чьё высокое художественное, мастерски отточенное слово, не признавая границ пространства и времени, могло дойти до наших дней, не поверила бы. Дело в том, что я очень внимательно слушала лекции нашего замечательного университетского преподавателя по азербайджанской литературе профессора Идята муаллима Эфендиева, а имени такого поэта не слышала. Возможно, эта тема в те времена не входила в нашу программу. Но, прочитав ещё несколько страниц книги Рафаэля муаллима, могу сказать, что дошедшие до нас из глубины веков его стихосложения и сегодня читаются на одном дыхании, волную душу и сердце.

Из повествования автора на странице 39 мы узнаём о том, что на протяжении веков азербайджанская литература творилась, причём, не только на родном языке, но и на других языках.

«Наша поэзия несколько веков говорила на фарси, художественное слово, научная мысль запечатлевалась на арабском языке в течение столетий», — пишет Р.Гусейнов. — В мире не найти народа, чьи поэты творили бы на трёх языках — на фарси, арабском и тюркском — азербайджанском... Писали у нас стихи и на четырёх, пяти, шести языках. Это были языки восточные. В XIX столетии появились прецеденты на языках европейских. Достаточно вспомнить повесть И.Куташенского «Рашид бек и Саадет ханум», написанную на французском языке. Но во всех случаях иноязычного творчества азербайджанских авторов сохранялась корневая национальная основа, адресность, ментальность... Наши авторы творили в определённом историческом климате, интернациональном пространстве и ощущали широчайшую аудиторию Востока, не ограниченную только лишь национальной публикой. На примере талантливых, выдающихся художников они обогащали художественный космос других народов, с другой стороны, привносили в это международное духовное пространство дух и печать азербайджанства».

На странице 40 читаем: «Ибн Гутейба ад-Динавари (умер в 806 году) в известной антологии «Аш-шир ва-ш-шара» — «Поэзия и поэты», ссылаясь на авторитетного средневекового летописца Абуль-Язана, пишет: «В Медине среди мевали нет такого поэта, который по происхождению не являлся бы уроженцем Азербайджана».

А теперь прочтите эти строки:

*Любовь моя, пора пришла, прошу с тобой свиданья,
Любима ты от всей души, так удостой свидания.
О, снизойди и убожи и в милости не откажи.
Возраду лаской, сократи томленье ожидания.
Родня противится твоя, на встречу наложив запрет.
И обрела на муки нас, на пытку расставанья.
И что им? Бедствует ашиг, бродя с понурой головой.
И чаёт взора твоего в награду за страданья.*

А написал их в те далёкие времена один из первопроходцев-азербайджанцев первый бунтарь Исмаил ибн Ясар.

Из повествования на 38-й и 39-й страницах этой главы мы узнаём о том, что творческий путь свой он начал, в тот период, когда недавно ушёл из жизни Пророк Мухаммед, «когда ещё здравствовали знавшие и общавшиеся с последним посланником Аллаха. Исмаилу довелось общаться с внуками Пророка... Поистине легендарные времена... В арабском мире и на безбрежном пространстве за его пределами зарождалась новая поэзия, обретая свой чекан, свою поступь, свой лад и сказ. Если Мухаммед был Пророком новой веры, Исмаил ибн Ясар и подобные ему гении, ныне кажущиеся архаичными, по тем временам являлись пророками новейшей поэзии».

Автор представляет читателю Исмаила такими словами: «знавшийся с потомками благословенного вероучителя, не был арабом. Исмаил Ибн Ясар великопленный владетель Пегаса на аравийских просторах, обскакавший именитых арабов, был сыном раба — мевали». То есть одним из пленных, которых везде и всюду привлекали на самые тяжёлые работы, обращённых в новую веру. Мевали уже не считались пленниками, но арабы смотрели на них, как на людей второго сорта. И при всём этом мевали Исмаил удостоился благосклонности и расположения семейства Пророка.

«Изгой снискал признание арабского мира. Пленник, пленивший поэзией арабов, был азербайджанцем», — пишет автор. Между тем, среди мевали, писавших стихи, Ибн Гутейба наряду с Исмаилом упоминает ещё и его брата Ибрагима, а также их соотечественников Муссу Шазавата и Абуль-Аббаса.

«Эти только поэты самые известные, а сколько имён осталось в безвестности».

42 страница книги раскрывает тайну о том, кто собрал сведения об Исмаиле, начиная от даты его рождения до смерти поэта — 897-967. Им оказался Абуль-Фарадж Исфагани, который, как характеризует его Рафаэль муаллим, был личностью незаурядной, духовно богатой. «... эрудит, общение с которым высокооплачиваемые мужи почитали за честь. Абуль-Фарадж был сведущ во многих науках, оставил 30 ценных трудов, но имя его прославил 24-томная «Китаб аль-агани» — «Книга песен». Названной книгой Абуль-Фарадж возвёл себе памятник и уберёг от забвения и исчезновения многих блестящих творцов арабского мира и жемчужины их творчества».

Не скрою, читая эти и другие строки, написанные рукой автора, получаю истинное удовольствие не только от высокого слога их написания, но и от того, какие неведомые поныне просторы открываются перед читателем. Как выясняется из повествования, этой книге, Абуль-Фарадж посвятил 50 лет своей жизни. А импульсом к её написанию послужило событие, произошедшее во времена Гаруна ар-Рашида.

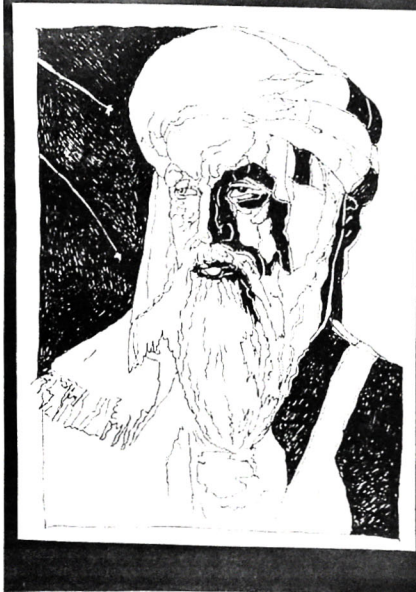
Только не думайте, что это сказки 1000 и одной ночи — памятника средневековой арабской и персидской литературы, дорогой читатель. Это реальные события давно прошедших дней, дошедшие до нас благодаря таким представителям тех незапамятных времён, как Абуль-Фарадж.

И опять я обращаю ваше внимание к тексту автора. «Однажды халиф повелел отобрать сто самых лучших песен, сочинённых к тому времени. Собиратели отбирают 100 песен, выделяют из них десять самых известных, а из этого десятка — три самых импонирующих, в конце концов, останавливаются на самой лучшей, по их мнению, песне».

Абуль-Фарадж, увлечённый этой идеей, взялся за изучение поэтических текстов, легших в основу песен. «Он собрал интересные сведения о жизни их авторов — арабских поэтов... Затем выстроил последовательную картину арабоязычной поэзии VII-X веков и, таким образом, подарил грядущим поколениям запечатлённую им панораму поэтического и музыкального творчества средневекового арабского мира... Абуль-Фарадж выполнил свою миссию и выполнил прекрасно», — пишет Рафаэль муаллим на страницах 43 и 44 своей книги.

Благодаря достоверным сообщениям Абуль-Фараджа удалось выяснить, что Исмаил ибн Ясар родился в 643 году, скончался 748 году, прожил на белом свете 105 лет. При этом Рафаэль муаллим отмечает на 45-й странице, что источник сведений Абуль-Фараджа — это люди, близко знавшие поэта. Далее древний

ПЕРВЫЙ БУНТАРЬ

биограф сообщает, что Исмаил взял себе псевдоним — «Насай», который буквально означает: относящийся к женщине».

«Абуль-Фарадж, ссылаясь на то, что узнал, услышал от них, выстраивает убедительную версию: он сообщает о том, что отец Исмаила продавал пряности и украшения для невест, готовящихся к свадьбе. По другому преданию, отец готовил яства к свадебным торжествам, потому и возникло прозвище «ан-Нисай», и сын перенял у отца этот атрибут, как псевдоним».

Далее выясняется, что отец Исмаила также был поэтом. Стихи писали его дед и прадед, другие сыновья. Такая вот поэтическая династия существовала в далёкие от нас средние века.

«Где родовые корни Исмаила ибн Ясара? Как, при каких обстоятельствах он очутился в плену, на чужбине. История безмолвствует. Но стихи Исмаила сообщают о веках этого злосчастия, о том, где поначалу обрелась обездоленная семья...

Дорога на Медину... Рама, край родной!

Привет тебе! Услышавши ли голос мой?

От пастбища до пастбища влекущий караван,

В чужбину держит путь народ мой кочевой.

Грызёт меня тоска исхода с того дня,

Вино ль Дарума взор мой застит пленой?

Мы не склонили гордой головы,

За корни стоим и отстоим любой ценой.

Я помню род свой в славе и чести,

Язык — как меч. И с ним я ринусь в бой.

Не дам в обиду род, не уроню себя,

Хоть венценосцев видел целый рой.

История седа, правители мои

Хоть любят лесть, но широко душой.

В лихие годы ополчилась рать,

И римлянам воздала за разбой,

На поле брани бились мы, как львы,

Неслись в походах грозною стеной.

А спросишь ты о роде — вот ответ,

Пал ниц пред нами сокрушённый враг любви.

Рама — это привал на дороге из Басры в Мекку...

«Рим» — название долины в тридцати «агачах» от Медины, а Дарум — городок-крепость на пути из Газа (заливной безвинной кровью в начале XXI века) в Египет, городок, известный своим вином».

Как сообщает Абуль-Фарадж, эти стихи Исмаил ибн Ясар прочёл во дворце по желанию всемогущего халифа Хишама ибн Абдулмелика (724-743)? Сидящий у бассейна в своей резиденции в городе Русаф, халиф полагал, что услышит касиду в свою честь, а вместо этого прозвучали стихи, восхваляющие аджемов (то есть инородцев, в античной Элладе негрыки именовались одним словом «Варвары» — Р.Г.). Разгневавшись, он велел сбросить Исмаила в воду.

«Исмаила ибн Ясара сбросили в воду, и он чуть было не задохнулся. Затем халиф велел вытаскивать его из воды, и, изгнав из города Русаф, отправил в ссылку.

Продолжение на стр. 9

ВОЗНЕСЕНИЕ СЛОВА

Вот расплата за искренне слово, исторгнутое сердцем, кара за вольнодумство. И где бы ни прозвучало слово правды, за ним следовало наказание. Кто-то, хлебнув лиха, «образумился, кто-то предпочитал помалкивать, а иные распялись ещё больше, дразнили гусей и лезли на рожон».

Как сообщает Абуль Фарадж, «неукротимый Исмаил ибн Ясар не унимался, забыв про синяки и шишки, смыв запекшуюся кровь, стряхнув пустынную пыль с обветшавших одежд, возвращался из ссылки и опять брался за своё – говорил крамольные речи, честил власть имущих...».

Этим непокорством Рафаэль муаллим объясняет то, что сборник стихов – «Диван» поэта, прожившего целый век, не сохранился до наших дней. Но давайте внимательно прочитаем и эти строки:

*Может быть, венценосна была у меня,
И в чести, и во славе высокой родня.
Кто вы, кто мы – нисколько не знаете вы,
Вы б спросили, как жили, кем были допрежь мы, увы...
Только чванитесь вы перед нами всегда.
Отрешитесь от спеси, надменность – беда.
Мы растили в заботах своих дочерей.
Вы их губите гибельной схимой своей...*

Боже, как созвучны эти строки Первого бунтаря с сегодняшним нашим днём, когда не утихают раздоры, уносящие жизни невинных людей в разных уголках нашей планеты, нашего общего дома. А ведь всего лишь стоит прислушавшись к совету нашего поэта, «первой ласточки» азербайджанской протестной литературы, отрешиться от спеси, и этим самым отвести беду... Попросить прощения, наказать виновных, выдать компенсацию семьям погибших...

В этой главе немало других интересных фактов. К примеру, о зарождении течения под названием «Шуубийя».

«Шууб» по-арабски означает «народы». Не случайно движение немирившихся в то время с арабской кабалой было названо так. В 13-м аяте 49-й суры Корана говорится: «О, люди! Мы создали вас мужчиной и женщиной, и сделали вас народами и племенами, чтобы вы знали друг друга».

И народы, которые не повиновались насильственной ассимиляции, по завету Материнской Скрижали избрали путь борьбы за своё самостояние, самопознание, возрождение своих корней первооснов. Исмаил сын Ясара был одним из застрельщиков и подвижников этой борьбы. И то, что при таких поэтических манифестах и высказываниях, со всеми испытаниями, выпавшими на его долю, он смог прожить за сотню лет, само по себе – чудо, феномен. Ведь поборник этого же пути, «шууби» – философ-протестант литератор Абдуллах ибн аль Мугаффа (729–759) за свои «крамольные» речи был объявлен кяфиром и зверски умерщвлён... Между тем Исмаил ибн Ясар, говорит молва, мог при случае припечатать словом так, что мало не показалось бы. Особенно он был горазд сочинять эпиграммы-хаджвы». Здесь автор книги в качестве примера поместил его эпigramму на жителя Медины по имени Абдулла ибн Анс, с которым раньше Исмаил был на дружеской ноге. Посвятив ему касыду, он отправился в долгий путь в Дамаск. Но, увидев наплевательское отношение к своему сочинению, поэт не на шутку осерчал, в результате чего и появился этот ехидный хаджв:

*Ты, поверь мне, о, ибн Анс, я могу поклясться в том,
Не к Гусейну, не к Гасану мы пожаловали в дом.
Кабы мы пришли бы в гости даже к челяди святых,
Оказали б нам почтенье, больше почестей твоих,
Оказалось, гостевали мы у ящерики пустынь,
Та пыхтит, и знать не знает ни щедрот, ни благостынь.
Намекнули мы о деле, памятуя чин и сан,
Побелел лицом хозяин, пожелтел он как шафран.
Заскрипел зубами в гневе, повернулся к нам спиной,
Будто нас и знать не знает и не видит дорогой.
Уродни его спросил, чтобы кончить разговор,
С лихорадкой ли трясётся? Может быть хозяин хвор?
Другу молвил: «Ты не мешкай, уберёмся поскорей,
От греха подальше. Так-то привечают здесь гостей...»*

В этих строках весь такой непокорный и такой многогранный Первый бунтарь далёкого средневековья.

На все сто соглашусь с замечанием академика Рафаэля Гусейнова о том, что «когда учёные выстраивают историю азербайджанской сатиры (и поэзии, в том числе), в ряду её творцов не упоминают Исмаила ибн Ясара. Наш школьник (да и студент тоже) не видя в учебниках имени этого своего достойного предка, жившего и творившего в VII–VIII веках, не знает даже его имени. А должен бы знать!»

Продолжение следует.

Подготовила Медина ГАСАНОВА.